

❧ *Любовь, интрига, тайна* ❧

Читайте романы Ирины Мельниковой – прекрасные истории о вере, надежде и любви:

Любовно-исторические:

Антик с гвоздикой

Грех во спасение

Александра – наказание Господне

Невеста по наследству

Фамильный оберег. Закат цвета фламинго

Фамильный оберег. Отражение звезды

Фамильный оберег. Камень любви

Любовно-криминальные:

Дрянь такая!

Ржавый Рыцарь и Пистолетов

Дикая Лиза

Нянька для олигарха

Мой ласковый и нежный мент

Колечко с бирюзой

Неоконченный романс

Роман с Джульеттой

Горячий ключ

Формула одиночества

Стихийное бедствие

От ненависти до любви

Небо на двоих

В соавторстве с Георгием Ланским:

Ключи Пандоры

Лик Сатаны

Ярость валькирии

Сериал «Агент сыскной полиции»:

Агент сыскной полиции

Талисман Белой Волчицы

Финита ля комедия

Сибирская амазонка

Бесы Черного городища

Ирина Мельникова



ГРЕХ
ВО СПАСЕНИЕ



Москва
2024

УДК 821.161.1-312-4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М48

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *А. Зининой*

Мельникова, Ирина Александровна.

М48 Грех во спасение : [роман] / Ирина Мельникова. — Москва : Эксмо, 2024. — 416 с.

ISBN 978-5-04-197187-8

Юная красавица Машенька Резванова единственная, кто не желает смириться с тем, что блестящий морской офицер, наследник князей Гагариновых, воспитанницей которых она является, несправедливо осужден на каторгу и вечное поселение в Сибири. Маша, преодолевая одну преграду за другой, устремляется в далекий и неведомый край, чтобы вступить в фиктивный брак с Дмитрием Гагариновым, а позже устроить ему побег. Юным влюбленным предстоит претерпеть множество невзгод в дикой забайкальской тайге, но обретут ли они свободу, исполнятся ли их надежды о счастье и любви?

УДК 821.161.1-312-4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Мельникова И., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-197187-8



1.

Маша сидела на вершине высокого холма и, прислонившись спиной к теплому камню, наблюдала за коршуном, парившим над степью на уровне ее глаз. Распластав крылья, птица изредка лениво взмахивала ими и, поддерживаемая потоками воздуха, которые поднимались вверх от раскаленной полуденным солнцем земли, казалась, купалась в них, гордая и сильная, словно древняя царица — хозяйка этих ковыльных степей, далеких лесов в синеватой дымке и отливающих серебром мелких озер, похожих сверху на разбросанные по земле щиты павших в битвах богатырей.

Да и сам холм, если смотреть на него с востока, напоминал голову древнерусского витязя в шлеме с шишаком, с горбоносым лицом, его, словно гигантский шрам, пересекал глубокий скальный разлом.

Вечером и утром, когда особенно черны и отчетливы тени, камни как бы оживали и еще больше походили на сказочного великана, поставленного когда-то здесь на часах, да так и застывшего навечно громадным немим стражем на границе древнейших государств.

Об этой скале, одиноко и гордо взиравшей на мир уже тысячи лет, ходило много легенд, но Маше нравилась одна — о былинном богатыре Любомысле. Он сражался с супостатами не на жизнь, а на смерть и, будучи тяжело раненным, не позволил унести себя с поля боя. Так и умер с мечом в руках. Но только закрылись его глаза, слетела с неба голубица, взмахнула трижды крылом, и восстал с земли богатырь и поднял свой меч, и ударили гром и молния, и разбежались нехристиязычники в разные стороны, чтобы никогда более не переступать священных границ земли русской.

С тех далеких времен солнце неисчислимое множество раз восходило и заходило над головой великана, зима сменяла

осень, а лето весну... Буйные ветры и талые воды, лютые морозы и безжалостные лучи солнца иссушили и изъели лицо старика, покрыли его оспинами и морщинами. Но как стоял богатырь, так и стоит поныне, только ушел в землю от непомерной ноши уже по самые плечи. И по-прежнему непреклонно и зорко вглядывается он в синие дали, и знают враги, пока стоит богатырь, не владеть им землей русской, как бы ни зарились они на нее, как бы ни потирали руки от жадности, зная о ее непомерных богатствах.

Маша вздохнула и улыбнулась. Всего каких-то семь-восемь лет прошло с тех пор, как она перестала верить, что раз в год богатырь оживает, со стонами и криком освобождается из каменного плена и медленно, важно обходит свои владения, смотрит, все ли в порядке, все ли справно, все ли хранится должным образом... И уже под утро возвращается на прежнее место и опять застывает.

Лет этак десять назад она даже подговорила своих приятелей, сыновей кухарки и конюха Тимошку и Даньку, отправиться в степь в ночь накануне Ивана Купалы и убедиться, взаправду ли восстает от долгого сна каменный великан. Но более всего им хотелось узнать, на самом ли деле он проверяет, на месте ли древние клады, которых в этих краях видимо-невидимо, как и курганов, где они испокон веку хранятся. Время сровняло эти курганы с землей, и никому не ведомо, где же искать эти сокровища. Лишь изредка вымоет из земли весенним половодьем или особенно сильным летним ливнем серебряные монеты, больше похожие на затвердевшие и почерневшие от времени цветочные лепестки, а то и причудливую бронзовую фигурку диковинного зверя с длинным кошачьим хвостом или гордого оленя с закинутой на спину головой, увенчанной короной рогов...

В тот раз им так и не удалось незаметно улизнуть из дома. Верных Машиных оруженосцев мать застукала, когда выпрыгивали из окна, успела ухватить за опояску и не позволила ускользнуть в глухую ночную темь. А Маша, не дождавшись ответного сигнала, уснула, положив голову на подоконник. Утром ее разбудила няня и сердитым шепотом выругала девочку за непослушание и пригрозила, уже в который раз, пожаловаться гувернантке мисс Луизе, а то и самой барыне, ее сиятельству княгине Зинаиде Львовне, что ее воспитанница совсем от рук отбилась.

Нянька — сорокалетняя розовощекая красавица Анисья —

была единственным человеком, напоминавшим Маше об ее прошлой жизни. Именно она спасла пятилетнюю малышку от огня, вспыхнувшего в доме управляющего именем князя Гагаринова ранним утром от неисправной печи.

Сам управляющий Александр Гаврилович Резванов в тот день встал, как всегда, спозаранку и отправился объезжать господские владения. Но не успел он отъехать и за версту от своего дома, как увидел огромный столб дыма и взметнувшееся выше леса пламя.

Через десять минут он был на месте пожара. Но ничего уже не смог поделать. Старый деревянный дом в одно мгновение вспыхнул как факел. И усилия дворни залить его водой из ведер и при помощи ручной помпы успеха не имели. Александр Гаврилович вырвался из рук удерживающих его слуг и бросился в огонь. На втором этаже оставались его молодая жена Надежда Васильевна с годовалым Николенькой и всеобщая любимица — старшая дочь Машенька со своей нянькой Анисьей.

Резванову не суждено было узнать о спасении дочери: вместе с женой и сыном он погиб под обрушившейся кровлей дома. А Машу спасло то, что у Анисьи разболелся под утро зуб и она, постанывая, ходила взад и вперед по комнате, подерживая рукой распухшую щеку. Почувствовав запах дыма и заметив отражение огненных всполохов в окнах противоположного от них крыла дома, нянька, не раздумывая, закутала спящую девочку в суконное одеяло и в чем была, в сарафане и босиком, выпрыгнула из окна второго этажа прямо в сугроб, который смягчил их падение.

После смерти родителей девочку забрали к себе Гагариновы. Княгиня Зинаида Львовна, урожденная Шувалова, была давней подругой Машенькиной матери. В девушках они вместе учились в Екатерининском институте и поклялись никогда не расставаться. Выйдя замуж за князя, она не оставила подругу без внимания, и именно по ее рекомендации обер-штальмейстер¹ императорского двора его светлость князь Владимир Илларионович Гагаринов назначил управляющим своих тамбовских и пензенских имений отставного офицера, начавшего свою военную службу еще при Екатерине II, небогатого столбового дворянина Резванова.

¹ Начальник царских конюшен.

Александр Гаврилович, вышедший в отставку после тридцати лет службы, одно время находился в ведомстве императрицы Марии Федоровны, весьма благоволившей к нему. И женился Резванов по ее рекомендации на девушке из хорошей, хотя и не очень богатой семьи коллежского советника Василия Гобериуса, потомка шведского военного лекаря Отто Гобериуса, попавшего в плен во время Полтавского сражения да так и оставшегося в России после женитьбы на русской дворянке.

После рождения дочери Александр Гаврилович ушел в отставку в чине полковника и принял в управление обширные и богатые поместья князя Гагарина.

Семья переехала в принадлежащую князю деревню Ельцово в Пензенской губернии и поселилась в просторном управительском доме.

Ни Зинаида Львовна, ни Надежда Васильевна, конечно же, не подозревали, почему их мужья так быстро подружились. Причина крылась не только в том, что их жены были близки, а и в другом: оба были и прежде хорошо знакомы по масонской ложе. Впрочем, молодым женщинам не было никакого дела до бесед их мужей, которые те вели всю ночь напролет в редкие встречи, когда семейство Гагариновых, отправляясь на воды, останавливалось проездом на неделю в Ельцове. Женщины тоже проводили все это время вместе, в бесконечных разговорах о детях и в воспоминаниях о счастливых и беззаботных днях в стенах Екатерининского института.

Раза два княгиня брала с собой на воды и подругу с дочерью, но маленькая Маша запомнила из этих поездок лишь один эпизод: во время прогулки она подвернула ножку, и сын Гагариновых Митя — ему в то время было лет десять — нес ее до коляски на спине, не доверяя женщинам, поскольку уже считал себя настоящим мужчиной.

Через четыре года счастливой и безмятежной жизни в Ельцове у Маши появился братик, которому было уготовано погибнуть вместе с маменькой и отцом в беспощадном огне, оставившем голубоглазую девочку круглой сиротой...

Прошло пятнадцать лет. Сын Гагариновых закончил Морской кадетский корпус и поначалу мичманом, а теперь уже капитан-лейтенантом служил на фрегате «Александр Невский», избородившем моря и океаны, ходившем в Америку и Японию, к берегам Австралии и Южной Африки. Сейчас ему

шел двадцать восьмой год, и с того времени, как он поступил в Морской корпус и стал кадетом, а потом и гардемаринном, Маша видела его всего один раз, когда молодой безусый мичман приехал в двухмесячный отпуск, прежде чем отправиться к месту службы на Черноморский флот.

Конечно, князь Гагаринов, занимающий видное место при дворе, мог договориться о направлении единственного отпрыска на Балтийский флот, поближе к дому, или даже в Гвардейский морской экипаж, но Владимир Илларионович, обладая крутым и строгим нравом, не послушал просившей об этом жены, заметив, что не у материнской юбки, а в битвах закаляется мужской характер...

В этом году Гагариновы решили провести лето в своем имении Полетаево. Владимир Илларионович вышел в отставку и волен был распоряжаться собой как ему заблагорассудится. Тем более что накануне Пасхи он получил письмо от сына, в котором тот извещал родителей о своем намерении летом приехать в отпуск на три месяца и желании провести его в Полетаево.

Князь не особо удивился такому желанию. Полетаево было одним из самых любимых мест летнего отдыха княжеской семьи. Большой, хотя и одноэтажный господский дом стоял на холме над рекой Сорокой. В нем было двадцать комнат, обставленных немецкой мебелью, полы закрывали персидские и индийские ковры, стены четырех гостиных украшали прекрасные картины итальянских художников. На некотором удалении от дома находилось несколько флигелей для приезжих и превосходная баня, от нее к реке вела каменная лестница. По ней напарившиеся гости сбегали на берег и окунались в холодные и темные от прибрежных кустов воды. Выше по течению стояла большая мельница, в которой молило зерно, почитай, со всего уезда.

После поступления Мити в кадетский корпус, а потом и Маши в Смольный институт Гагариновы почти не бывали в Полетаево, но, несмотря на это, в имении были построены новые оранжереи, в которых росли диковинные фруктовые деревья и причудливые цветы, теплицы, парники, вольеры для экзотических птиц и животных.

На заднем дворе по-прежнему работали мастерские: столярная, слесарная, каретная и ткацкая. В конюшнях находилось более двух десятков лошадей для верховых прогулок...

По приезде Маша сразу же отправилась на конюшню, где

ее дожидался подарок князя — молодой золотистый дончак Ветерок. Завидев хозяйку, он радостно заржал и потянулся к девушке, требуя лакомство — горбушку хлеба с солью.

С тех пор Маша на целые дни пропадала из дому, объезжая на Ветерке близлежащие села, рощи, купалась в одной ей ведомой, запрятанной в зарослях краснотала заводи, часами лежала на спине на вершине древнего холма и наблюдала за плывущими по небу облаками. Они клубились на горизонте причудливыми замками, медленно и покойно текли над головой и тихо меняли свои очертания. Такой же тихой и безмятежной была и вся прежняя жизнь Маши Резвановой.

Она прекрасно училась в Смольном институте, много читала по-русски и по-французски и все годы была одной из лучших учениц. Она искусно вязала и шила, а ее рукодельные халаты, которые воспитанницы вышивали в подарок императрице и ее детям, были отмечены особой благодарностью Государыни. И Маша в числе пяти особо отличившихся воспитанниц была несколько раз приглашена на дворцовые праздники.

В институте их учили молиться, любить царя, царицу и их детей. Им усиленно внушали, что император — образец мужской красоты, а его супруга — пример добродетели и благочестия, которому молодые девушки должны всегда следовать.

Многие ее подруги к окончанию института были уже влюблены, но Машино сердце до сих пор было не занято. И ни один из множества молодых людей, живших по соседству и посещавших имение чуть ли не каждый день, так и не сумел обратить на себя ее внимание ни отточенностью манер, ни остроумием, ни даже богатым наследством или титулом...

Мария Резванова умела спокойно поставить на место и излишне ретивых поклонников, и самовлюбленных франтов, и докучливых вдовцов, имеющих помимо приличного состояния изрядный довесок из многочисленных отпрысков, тетюшек, дядюшек и разного рода приживалок, заполняющих их дома.

Зинаида Львовна стремилась устроить жизнь своей любимицы наилучшим образом, а потому беспокоилась и порой даже сердилась на Машу из-за ее чрезмерной разборчивости. Но князь неизменно вставал на защиту девушки, и вдвоем они давали отпор княгине, а уже наедине Владимир Илларионович успокаивал жену:

— Не стоит расстраиваться по поводу Машеньки. Пусть поживет с нами. И ничего страшного, если в этом сезоне не найдется подходящий жених. За кого попало мы ее не отдадим. Она девушка разумная и достойна того, чтобы выйти замуж за человека, к которому почувствует влечение. А до той поры, дорогая, не суетись. С октября начнем выезжать в свет, и я уверен, что нашу девочку ждет грандиозный успех. Я чувствую, что равных ей по очарованию в этом сезоне не будет.

— Да, — соглашалась с ним Зинаида Львовна и печально вздыхала, — я уверена: никто из девиц не сравнится с нашей Машенькой в красоте и тем более в скромности. Но я со страхом думаю о том дне, когда мы останемся совершенно одни. Митю мы годами не видим, а теперь и Маша скоро от нас уедет. А я так к ней сердцем прикипела, ну прямо как к родной!

— Не огорчайся, матушка, — улыбался князь и обнимал жену за плечи. — Мы Машу непременно поближе к дому замуж отдадим, чтобы можно было чаще навещать. А на лето все ее семейство будем к себе в Полетаево забирать. Представляешь, как тут весело будет: малыши по поляне бегают, мамки-няньки их урезонить пытаются, вы с Машей в белых летних платьях, в шляпках, с зонтиками в руках по аллеям прогуливаетесь, а мы с зятем сидим на террасе, пьем кахетинское, курим сигары и беседуем о лошадях, видах на урожай и счастливы безмерно...

— Стареешь, Владимир Илларионович, — улыбалась княгиня и принималась в который уже раз перебирать кандидатуры наиболее достойных женихов Санкт-Петербурга и Москвы. Но князь, с присущей ему щепетильностью, в каждом из них находил массу недостатков, и, поссорившись несколько раз за вечер, супруги в конце концов мирились, чтобы назавтра вновь заняться обсуждением так занимавшего их вопроса.

Маша об их спорах не догадывалась и без особого желания откликнулась на попытки княгини завести разговор о предстоящем сезоне и о том, что, вероятнее всего, последует ряд предложений и как нужно поступить в том или ином случае.

Втайне Маша, конечно, ждала начала сезона. Это был ее первый настоящий выезд в свет, и сердце ее замирало в сладостных предчувствиях встречи с тем, кого она безумно полюбит и кто ответит ей такой же пылкостью и страстью. Он

представлялся ей непременно жгучим брюнетом с черными усами и с горящим взором. Он будет неимоверно красив, смел и богат. Тут Маша всегда вздыхала. Богатство предполагаемого возлюбленного особого значения для нее не имело, гораздо романтичнее было бы полюбить бедняка, но она знала, что князь и княгиня ни за что не позволят ей выйти замуж пусть и за благородного, но несостоятельного жениха, и с этими мечтами она постаралась расстаться.

Так прошел июнь. В доме со дня на день ждали появления молодого князя. Маша видела его в последний раз семь лет назад и особых восторгов по поводу его предстоящего приезда не испытывала. Высокий и смазливый молодой человек, в которого превратился ее прежний друг и защитник, был слишком занят собою и считал ниже своего достоинства обращать какое-либо внимание на худенькую белобрысую девочку, с любопытством следившую за каждым его шагом и с готовностью выполнявшую любую его просьбу. Здрава высокомерно нос, он приказывал нести ему квасу или молока, а то и отгонять мух от лица, когда он изволил засыпать в гамаке в саду. И княгиня, и в особенности князь нещадно ругали сына за подобное отношение к девочке, но от того их слова отскакивали словно от стенки горох. Он продолжал как ни в чем не бывало использовать Машу вместо мальчишка на побегушках.

Но вскоре она взбунтовалась. В соседнем имении, верстах в трех от Полетаева, жил помещик Добродеев, у которого гостила племянница, девица лет двадцати по имени Тамара. Она говорила с явным французским прононсом (а возможно, это было следствием хронической простуды) и к тому же басом и своими пронзительными черными глазами, крупным носом и заметными усиками над верхней губой напоминала знаменитую грузинскую царицу. Так вот, Митя вдруг вздумал влюбиться в нее и затеял интенсивную переписку с дамой своего сердца, а Маше, естественно, определил роль почтальона. Поначалу она восприняла это как своеобразную игру, но обнаглевший до неприличия влюбленный вздумал отправить ее к дубу, дупло которого использовалось вместо почтового ящика, глубокой ночью, а идти туда нужно было мимо деревенского погоста, где, по слухам, в полночь видели какие-то странные фигуры в мерцающих одеждах. И Маша наотрез отказалась.

Рассерженный Дмитрий попытался вытолкать ее за дверь,

но Маша уцепилась за дверную ручку, и как ни силился бра-
вый мичман оторвать от нее упрямую девчонку, не слишком
в этом преуспел. Затем он ухватил ее за ухо, чтобы знала, как
почитать старших, но Маша больно пнула его по ноге и по-
обещала выцарапать ему глаза, чтобы он никогда не смог ли-
цезреть свою «усатую тараканиху», как она до этого только
про себя называла пассию Мити.

Раздосадованный молодой человек запустил в нее подуш-
кой. Маша не осталась в долгу и метнула в него тяжелый ва-
лик с дивана. Мичман пригнулся, а валик вылетел в окно и
упал в аккурат на дворовую шавку Басурманку, та с истошным
лаем и визгом промчалась по двору и успокоилась только в
лопухах за забором, окружавшим усадьбу.

Несколько дней Митя делал вид, что в упор не замечает
девочку. Князь и княгиня переглядывались и веселились от
души, наблюдая, с каким гордым и неприступным видом их
сын шествовал мимо их воспитанницы, а она прыгала сле-
дом за ним — худая, голенастая, похожая на молоденькую ко-
зочку — и строила за его спиной потешные гримасы, пере-
дразнивала его походку и жесты. Молодой человек не пони-
мал, почему все окружающие заливаются хохотом, но в один
прекрасный момент оглянулся и застал негодницу за испол-
нением ее фокусов.

В тот раз Маша едва спаслась от наказания на высокой бе-
резе, но от шуточек и поддразниваний так и не отказалась.
Правда, стала гораздо осторожнее, и, как ни хотелось Дмит-
рию застать ее на месте преступления, она ловко увертыва-
лась и убегала.

Но ему все-таки удалось проучить ее. И в достаточно не-
приятной ситуации. «Грузинская царица» неожиданно уеха-
ла, не попрощавшись и не объяснив причины своего отъез-
да. Гагаринов-младший погрузил несколько дней, побродил
с туманным взором по дальним аллеям, повздыхал вечерами
на террасе и нашел себе новую забаву. Внезапно он обнару-
жил при господском доме нескольких молодых и красивых
девок, которые не прочь похихикать и поиграть глазами с
молодым баринном. Мичман быстро наловчился вылавливать
их в укромных закоулках дома, в саду или на заднем дворе и
одаривать не совсем целомудренными поцелуями. Дальше
больше, и как-то раз Маша заметила, что после обеда, когда
князь и княгиня по обыкновению отправились в свою спаль-
ню для дневного сна, на сеновал прокралась рыжая Авдотья,

вторая горничная Зинаиды Львовны, а следом торопливо, словно нашкодившая Басурманка, забрался по лестнице и Митя.

И что Маше взбрело в голову залезть на крышу сеновала, выковырять сучок и заглянуть в образовавшееся отверстие? В следующее мгновение кровля проломилась, и девочка приземлилась прямо на спину молодого негодника, который, в свою очередь, свалился на полураздетую Авдотью. Девка со страху заверещала не своим голосом и, кажется, потеряла сознание. Мичман выругался и успел ухватить зловредную девочку за ногу...

После этого у Маши долго болело ухо, а Митя каждый раз, когда встречался с ней взглядом, обычно за обеденным столом, отчаянно краснел и прятал глаза. В тот раз он предстал перед родительской воспитанницей в непотребном виде и потому испытывал непомерный стыд и в какой-то степени страх перед разоблачением, ведь Маше ничего не стоило рассказать князю, чем его сын изволит заниматься на досуге.

Но, слава богу, Маша не проболталась, и Владимир Илларионович не узнал о подвигах своего шустрого наследника, который с того времени полностью отдался чтению книг и верховым прогулкам. Перед отъездом Дмитрий попросил у Маши прощения. И хотя она приняла его извинения, но до сих пор не могла забыть обиду, ведь она любила Митю как брата, скучала по нему, надеялась на его дружбу, а он так по-свински обошелся с ней...

И теперешнего его приезда она ожидала со смешанным чувством: боялась этой встречи и вместе с тем верила, что он уже не посмеет обращаться с ней подобным образом...

Снизу донеслось ржание Ветерка. Маша открыла глаза. Верстах в двух от нее по дороге, ведущей к усадьбе, неслась четверка лошадей, запряженных в дорожную карету. Следом скакали два всадника.

Маша быстро поднялась на ноги, взгляделась в них из-под ладони и радостно подпрыгнула на месте. Похоже, один из всадников — Митя! Она стремглав сбегала с холма, вскочила в седло и по-мальчишески оглушительно свистнула. Ветерок с места взял в карьер, и через четверть часа девушка въехала в ворота, отстав от экипажа на какие-то две минуты.

2.

На крыльце дома творилось что-то невероятное. Домашние слуги и дворня стояли на некотором удалении и с умилением на красных от полуденной жары лицах наблюдали за встречей отца и сына. Владимир Илларионович то принимался обнимать Митю, то трепал его за волосы, то отстранял от себя, восторженно заглядывал в глаза и с торжеством в голосе вскрикивал:

— Красавец, ну чистой воды красавец! Смотри-ка, и усы отпустил! А со щекой-то что? Что со щекой? Неужто шрам?

Сын пытался ответить и, в свою очередь, спросить о чем-то, но родитель вновь прижимал его голову к груди и прочувствованно всхлипывал.

Маша спешила и, не глядя, отдала поводья кому-то из конюхов. Сама же встала позади слуг и, приподнявшись на цыпочки, с любопытством принялась вглядываться в своего давнего обидчика.

Смотрела и не узнавала. Митя заметно раздался в плечах и, кажется, стал еще выше ростом. Темные волосы коротко подстрижены, под прямым с едва заметной горбинкой носом появились небольшие усы... Сильно загорелое лицо, обветренное, с жесткими складками возле губ, которые не исчезали даже тогда, когда он улыбался, — это был Митя, но только незнакомый ей, совсем взрослый мужчина. И лишь улыбка осталась у него прежней — озорной, разительно преобразовавшей его красивое лицо, отчего оно становилось более добрым и ласковым.

Маша всмотрелась пристальнее. Нет, глаза у него, конечно, те же — голубые, меняющие свой цвет в зависимости от его настроения, и нос он забавно морщит, почти как в детстве, когда смеялся над ее проказами. В последний свой приезд он больше сердился на нее, но его улыбку она не забыла и порадовалась про себя, что он почти не изменился, остался, несмотря ни на что, прежним Митей — веселым, проказливым, порой бесшабашным, но добрым и заботливым, когда это требовалось. И она сама виновата, что выводила его из терпения своими глупыми шутками и розыгрышами.

Маша вздохнула, быстро оглянулась по сторонам. Заметил ли кто, с каким пристальным и жадным интересом наблюдает она за молодым князем? Но окружавшие ее слуги смотре-

ли в одном с нею направлении, никому не было дела до нее. Маша успокоилась и вновь окинула Митю придирчивым взглядом, отметив, что и в дорожном платье он не потерял военной выправки, она чувствовалась во всем — даже в повороте головы и в том, как прямо держал он спину...

Тем временем на крыльце воцарилась тишина, и сын, освободившись от отцовских объятий, бросился навстречу показавшейся из дверей высокой статной женщине — своей матушке.

Княгиня рыдала в голос, прижимая попеременно то к носу, то к глазам кружевной платочек. Митя обнял ее за плечи. Зинаида Львовна припала головой к его груди и затихла на мгновение, потом подняла на сына покрасневшие глаза и вновь залилась слезами:

— Митенька, сынок! Уже и не чаяла тебя увидеть! — Она всхлипнула, быстро перекрестила сына и, отступив на шаг, окинула его быстрым взглядом. — Хорош, хорош, ничего не скажешь! — И с гордостью посмотрела на мужа. — Гляди, Владимир Илларионович, ну чисто ты в молодости!

Князь смахнул слезу и улыбнулся:

— Что же ты, матушка, сына на пороге держишь? Милости просим, капитан-лейтенант Гагаринов, проходите в дом!

— погоди, папенька! — Митя завертел головой, и Маша, проследив за его взглядом, заметила в толпе слуг еще одного молодого человека, почти такого же высокого, как князь, но более худого и бледного.

Митя быстро сбежал по ступенькам, взял молодого человека за руку и провел его сквозь расступившуюся толпу:

— Маменька, отец, познакомьтесь! Это мой друг еще с кадетского корпуса барон фон Кальвиц Алексей Федорович. Его родители сейчас в Италии, и я пригласил его пожить у нас, пока они не вернутся. Их имение в ста верстах отсюда, в Симбирской губернии...

— Знаком, знаком с вашим батюшкой, Алексей Федорович! — Князь пожал руку барону. — В молодости мы с ним не один приз на скачках брали, и сознаюсь, много раз он меня на финише обходил. Большой любитель лошадей был Федор Иоганнович!

— Он до сих пор ими занимается, — улыбнулся барон, — только уже в скачках не участвует, а разводит лошадей для кавалерии.

— И об этом нам известно, самолично покупал у него двух

вороних красавцев для государевых конюшен. Великолепные кони, право слово! — Князь похлопал гостя по плечу и подвел его к княгине. — Познакомься, матушка! Алексей Федорович, оказывается, сын моего старинного приятеля барона Кальвица.

Барон склонился к руке княгини и поцеловал ее, а Митя в недоумении посмотрел на отца:

— А Маша что же? Где она? Неужто уехала?

— О боже! — всплеснула руками Зинаида Львовна. — Действительно, куда она подевалась? Катерина, — окликнула она экономку, — Машеньку не видела?

— Да вон же она, барыня, — кивнула та в сторону девушки, попытавшейся спрятаться за широкой спиной одного из конюхов.

Митя радостно засмеялся, минуя ступеньки, прыгнул с крыльца, схватил Машу в охапку и закружил ее по двору.

— Смотри, Алешка, какова у меня сестрица! — Он наконец-то поставил ее на землю и с восторгом оглядел с ног до головы. — А я все думаю, что это за казачок за слугами прячется, и невдомек мне, что это сестренка моя дорогая! — Митя стянул с головы Маши папаху и покачал головой. — И впрямь совсем взрослая барышня! — Он вдруг обнял ее и крепко поцеловал в губы. Потом отстранил от себя, окинул придиричьвым взглядом и улыбнулся. — Да, и самый главный сюрприз, что красавица, каких поискать! Небось просватана уже? — Он посмотрел на мать. — Кто жених, сознавайтесь?

Князь укоризненно покачал головой:

— Узнаю своего сына! Не успел дорожную пыль с сапог стряхнуть, а уже не терпится все новости разузнать. Добро пожаловать в дом, гости дорогие! — Он посмотрел на сына, продолжающего обнимать Машу за плечи, и весело приказал: — А ну-ка, Марьюшка, живо переодеваться! Что же ты в мужском костюме гостей встречаешь? Подумают, что мы тебя в черном теле держим!

Через час обедали в парадной столовой. Маша в новом батистовом платье, украшенном маленьким букетом фиалок, сидела по правую руку от Владимира Илларионовича и почти не поднимала глаз от тарелки, боясь встретиться взглядом с Митей и выдать волнение, охватившее ее после его поцелуя. Он назвал ее сестрой, чего не бывало в прошлый его приезд, и встрече радовался по-особенному. Несомненно, он

повзрослел, возмужал и, очевидно, забыл и о прежних стычках, и о былых обидах.

Ей было приятно, что он сразу же вспомнил о ней, то, как восхищался ее красотой, но... этот поцелуй... Зачем он только поцеловал ее?.. На виду у всех, на глазах у родителей и этого странного молодого человека с огромными темными глазами, заглядывающими, кажется, в самую душу. Барон сидел напротив Маши, и стоило ей поднять глаза, она тотчас же ловила его взгляд, задумчивый и немного печальный, словно этот юноша с тонкими правильными чертами худощавого и очень бледного лица хранил в себе какую-то грустную тайну.

Он больше молчал, лишь изредка обращался к княгине, хвалил то одно, то другое блюдо, отчего Зинаида Львовна заливалась румянцем от удовольствия и с еще большим усердием принималась потчевать гостя яствами, приготовленными по этому случаю старым поваром Климентием, китайцем по национальности, чье истинное имя никто так и не научился толком выговаривать. В конце концов китаец крестился и принял православное имя, которое, в свою очередь, ни разу не сумел правильно произнести, как и имена хозяев: вот уже добрых тридцать лет называл их не иначе как «капитана» и «мадама».

Митя ел быстро, весело, размахивал руками и хохотал во весь голос, когда узнавал очередную новость про соседей или хороших знакомых. Он то и дело подмигивал Маше и озорно косился на барона. Он уже знал, что Маша до сих пор не просватана, и несказанно радовался этому обстоятельству. Потирая руки, он во всеуслышанье заявил, что его друг не женат и Маше стоит приглядеться к нему повнимательнее. Чем вызвал небывалое смятение за столом: Маша отчаянно покраснела и чуть не заплакала от смущения, барон еще больше поблуднел и сердито прошептал:

— Дмитрий, не зарывайся! Остынь-ка и знай меру, братец!

Князь покачал головой и переглянулся с женой. Их сын, несмотря на внешние изменения, по-прежнему говорил вслух все, что придет в голову, не слишком заботясь, какое впечатление произведет этим на окружающих.

Но Митя тут же забыл о своих словах и, перегнувшись через стол, спросил:

— А что, у Гурвичей гостит кто в этом году?

Помещик Гурвич был их ближайшим соседом и отличался особым хлебосольством, отчего летом в его имении всегда

жили какие-то лохматые молодые люди, по виду студенты из разночинцев, худощие девицы с томными взглядами и желтыми прокуренными зубами. Многочисленные гости постоянно менялись, и, кажется, сами хозяева не могли запомнить, кто в это время проживает в их доме, отъезжает за зиму, крутит скоротечные романы, флиртует и кокетничает, с визгом и хохотом плещется в купальне, а по вечерам, выпив хозяйского вина, сидит на террасе и проникновенно распевает русские песни и романсы.

В детстве Митя дружил с младшим сыном Гурвича Леонидом, и его желание побывать в соседнем имении было вполне объяснимым.

— Как не гостит! — вздохнула Зинаида Львовна. — Леонид в прошлом году женился на дочери какого-то чиновника из Министерства иностранных дел по фамилии Недзельский. Батюшка твой его хорошо знает, а я всего-то раз и встречалась с ним, так что и не помню особо. — Она сделала глоток из бокала с вином и продолжала: — Девица оказалась неглупой, к тому же красивой и, говорят, держит Леонида в ежовых рукавицах...

— Завтра же отправлюсь к ним с визитом, — быстро сказал Митя и переглянулся с бароном. Княгиня заметила этот взгляд, и что-то в нем, видно, не понравилось ей, потому что она поджала губы и замолчала.

После обеда Маша поспешила укрыться в своей комнате, испытывая странное стеснение в присутствии Мити и в особенности его гостя. Но вскоре в дверь постучали. Она распахнула ее. На пороге стоял Митя и радостно улыбался:

— Маша, милая! Ты почему сбежала? Я хочу Алешке окрестности имения показать, а он просит, чтобы ты поехала с нами. Переодевайся быстрее, я уже приказал лошадей оседлать.

Митя исчез за дверью, а Маша некоторое время раздумывала, что же надеть по такому случаю. Почему-то ей хотелось выглядеть не так, как всегда, и поэтому она решила не облачаться в свой традиционный костюм для верховой езды — черкеску и папаху, а нарядилась в темно-голубую амазонку и надела маленькую шляпку с пером. Амазонка была подарком Зинаиды Львовны и очень шла к Машиным глазам, но девушка не любила ее: в этом случае приходилось пользоваться дамским седлом, а она предпочитала мужское.

Молодые люди ждали ее у крыльца, куда конюхи подвели

трех оседланных лошадей, и тут произошла небольшая заминка: на конюшне Маше по привычке приготовили мужское седло, и пришлось спешно менять его на дамское.

Князь и княгиня вышли проводить молодых людей. Зинаида Львовна была немного разочарована. Она надеялась, что сын пожелает отдохнуть после обеда, и думала поговорить с ним, разузнать подробности его жизни за эти долгие семь лет, выведать кое-какие секреты и, главное, выяснить намерения на будущее. Митя мимоходом проговорился, что ждет изменений в своей карьере, которые позволят ему видеться с родителями чаще и, возможно, в какой-то степени благотворно повлияют на его дальнейшую жизнь.

Княгиня сгорала от нетерпения, но неугомонное детище, как всегда, не могло усидеть на месте и затеяло верховую прогулку вместо того, чтобы остаться дома и удовлетворить родительский интерес.

Молодые люди уехали кататься, а князь и княгиня удалились в спальню. Но распорядок дня был уже нарушен, утренние волнения взбудоражили старших Гагариновых, и в конце концов Владимир Илларионович велел лакею принести на террасу холодного квасу и устроился в кресле покурить трубку. Вскоре и Зинаида Львовна захватила вышивание и присоединилась к мужу.

Некоторое время они молчали, переживая в душе радостные минуты встречи с сыном.

Первой не выдержала Зинаида Львовна:

— Митенька-то совсем взрослым встал. Пора, наверно, и о женитьбе подумать.

— Ох, матушка, — покачал головой князь, — посмотри на него, он еще в игры не наигрался. Все бы скакать ему да бегать! Успеет еще жениться, пусть повеселится, отдохнет от службы, а потом видно будет!

— Как бы не избаловался, батюшка! Сейчас барышни пошли себе на уме, так и норовят кого побогаче да познатнее в мужья заполучить, потому не считаются ни с чем, хитрят, обманывают...

— Не бойся, ma chère, Митя весь в меня! Я ведь тоже любил в молодости и покутить, и повеселиться, но к родительским советам прислушивался и женился, когда срок пришел, на красивейшей и умнейшей из всех женщин. — Владимир Илларионович склонился к жене и ласково поцеловал ее в щеку.